

Памятные даты

К 100-летию Бориса Федоровича Поршнева

Олег Вите

«Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК».
*Книга «О начале человеческой истории»
и ее место в творческой биографии
Б.Ф. Поршнева**

III. «Час синтеза подошел...»

Обращение
к началу
человеческой
истории

Итак, весь очерченный выше поток исторических исследований был для Б.Ф. Поршнева, прежде всего, подготовкой, «закалкой» для того, чтобы приступить к исследованию центральной и самой трудной проблемы человеческой истории – проблемы ее «начала». Тем более, что опыт ученого-историка принес ему бесчисленные примеры исключительной важности представлений о «начале» истории для ее понимания в целом: *«...то или иное привычное мнение о начале истории, пусть никогда критически нами не продумывавшееся, служит одной из посылок общего представления об историческом процессе. Более того, вся совокупность гуманитарных наук имплицитно несет в себе это понятие начала человеческой истории»* [1].

Первые публикации исследований Б.Ф. Поршнева по антропогенезу появляются только начиная с середины 1950-х годов, т.е. почти на десятилетие позже, чем появились первые публикации по диахроническим аспектам единства исторического процесса – по теории классовой борьбы. Однако не может быть сомнений в том, что идеи и гипотезы относительно происхождения человека должны были появиться у Б.Ф. Поршнева много раньше не только первых публикаций на эту тему, но даже первых специальных самостоятельных исследований. Можно ли восстановить источники этих ранних идей и гипотез?

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2006. № 2. С. 196–215; № 3. С. 200–235.

«Диалектический
ключ»
к ретроспективному
восхождению
к началу истории

Еще лет 20 назад говорить о трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина как источнике идей того или иного автора было необходимо даже в тех случаях, когда идеи этого автора не имели к марксизму никакого отношения. Сегодня ровно наоборот: сослаться на столь сомнительный источник стало почти неприлично даже в тех случаях, когда такое влияние несомненно. Б.Ф. Поршнев – как раз второй случай. Огромное влияние марксизма на его творчество очевидно: именно теория смены общественных формаций давала ему «диалектический ключ» к ретроспективному восхождению к началу истории, сообщала его пониманию исторического процесса диахроническое единство. Но, разумеется, Б.Ф. Поршнев читал не только «классиков марксизма».

Научные предтечи

С полной уверенностью можно утверждать, что уже на рубеже 1920-х и 1930-х годов Б.Ф. Поршневу были хорошо знакомы работы Н.Я. Марра, Л.С. Выготского, П.П. Блонского, А.Р. Лурии, Я.Я. Рогинского, Н.Н. Ладыгиной-Котс, С.П. Толстова, Д.Я. Зеленина, Д. Фрезера, Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, Ф.М. де Соссюра. Достаточно рано он познакомился с исследованиями русских физиологов – И.П. Павлова, Н.Е. Введенского, А.А. Ухтомского: сестра Б.Ф. Поршнева Нина Александровна Крышова (1893–1971), памяти которой он посвятил свою книгу «О начале человеческой истории», была нейрофизиологом. Хотя к систематическому изучению физиологии Б.Ф. Поршнев, скорее всего, приступил не ранее 1940-х годов. Хорошо знал Б.Ф. Поршнев этнографическую литературу того времени, был в курсе идущих дискуссий об экономике докапиталистических формаций.

«Критика
человеческой
истории»

Но не стоит переоценивать значения идейных заимствований у великих предшественников. Это не единственный и даже не главный источник формирования его исходных представлений о начале истории. На первое место следует поставить другой источник – критическое переосмысление Б.Ф. Поршневым широко распространенных предрассудков о интересующем его предмете, проявляющихся особенно выпукло в более массовой литературе, нежели в сочинениях великих. Да и само название трилогии – «Критика человеческой истории» – указывает на этот источник.

«Круг чтения»
молодого
Б.Ф. Поршнева

Прямых сведений, что именно из научной и научно-популярной литературы читал тогда Б.Ф. Поршнев, нет. Среди имеющихся в его работах ссылок особенно интересны два сборника, которые он, несомненно, читал в 1920-е годы. Их содержание приоткрывает

краешек завесы, позволяет заглянуть в «круг чтения» молодого ученого Б.Ф. Поршнева.

Сборник «Психология и марксизм» [2] включает в себя статьи весьма известных российских и советских авторов: *К.Н. Корнилов*. Психология и марксизм; *М.А. Рейснер*. Социальная психология и марксизм; *А.Р. Лурия*. Психоанализ как система монистической психологии; *А.Н. Залманов*. К проблеме конституции человека; *В.А. Артемов*. Проблема одаренности и марксизм; *Б.Д. Фридман*. Основные психоаналитические воззрения Фрейда и теория исторического материализма; *Б.М. Боровский*. К вопросу об инстинкте в науке о поведении; *Л.С. Выготский*. Сознание как проблема психологии поведения; *З.И. Чучмарев*. Рефлексология и реактология как отделы науки о поведении человека; *П.П. Блонский*. Психология как наука о поведении. *К.Н. Корнилов*. Психология и марксизм проф. Г.И. Челпанова. Последняя статья – это уже прямая полемика между университетскими учителями Б.Ф. Поршнева...

Второй сборник – «Творчество» [3] – включает менее известных авторов, хотя есть и крупные фигуры: *С.Ф. Ольденбург*. Вопрос организации научной работы; *А.Е. Ферсман*. Пути научного творчества. *В. Савич*. О творчестве с точки зрения физиолога. *Ф.Ю. Левинсон-Лессинг*. Роль фантазии в научном творчестве; *В.Л. Омелянский*. Роль случая в научном творчестве; *В.Я. Курбатов*. Особенности художественного и научного творчества; *М.А. Блох*. О техническом творчестве; *М.А. Блох*. Синоптические таблицы по истории достижений научного и преимущественно технического творчества; *В.Я. Курбатов*. Синоптические таблицы по истории искусства в связи с историей техники.

Б.Ф. Поршнева отличала необыкновенно сильно выраженная способность обнаруживать в теоретической конструкции, кажущейся бесспорной и незыблемой, своего рода «точку резонанса» – критическое звено, включенное в нее на «праве очевидности», и в случае его изъятия обрекающее всю конструкцию на обрушение; способность обнаруживать в якобы непредвзятой подборке фактов их скрытую связь, обусловленную именно такой легко рассыпающейся теоретической основой. Позже он писал об исключительной важности критического отношения к «очевидным» представлениям о начале истории: *«Начало человеческой истории – своего рода водосброс, место стока для самых некритических ходячих идей и обыденных предрассудков по поводу социологии и истории. Самые тривиальные и непродуманные мнимые истины ста-*

Начало человеческой истории – место стока некритических идей и предрассудков

новятся наукообразными в сопровождении слов “люди с самого начала...”» [4].

Методологический принцип «двух инверсий»

Признаки зарождения собственной концепции происхождения человека («начала» человеческой истории) можно обнаружить уже в некоторых сохранившихся неопубликованных рукописях начала 1930-х годов, в частности, в упомянутых выше исследовании торгового капитала и тезисах доклада «Противоречия доклассового общества». Эти работы демонстрируют, что все ключевые черты «первобытности», чуждые одновременно и инстинктивному поведению животного, и сознательному поведению цивилизованного человека, Б.Ф. Поршневу уже ясны. Именно тогда был взят на вооружение методологический принцип «двух инверсий», в явном виде сформулированный много позже: *«Последовательный историзм ведет к выводу, что в начале истории все в человеческой натуре было наоборот, чем сейчас: ход истории представлял собой перевертывание исходного состояния. А этому последнему предшествовала и к нему привела другая инверсия: “перевертывание” животной природы в такую, с какой люди начали историю»* [5].

В наше время кажется, что в СССР ссылка на любые положения марксизма автоматически давала автору определенное конкурентное преимущество в научной дискуссии. В реальной советской жизни все было сложнее. Принцип «двух инверсий» есть не что иное, как гегелевское отрицание отрицания, вошедшее в канонический марксизм в качестве одного из трех законов диалектики, наряду с законом единства и борьбы противоположностей и законом перехода количества в качество. Однако из названных трех законов диалектики именно закон отрицания отрицания был под наибольшим идеологическим подозрением; всякое использование этого закона в публикациях подвергалось самому пристальному контролю. Ведь каноническое «отрицание отрицания» сплошь да рядом позволяло критикам советских порядков позиционировать себя как правых «марксистов-ленинцев». В результате за годы советской власти на 1000 диссертаций, книг и статей, посвященных двум другим законам диалектики, появлялась лишь одна публикация на тему отрицания отрицания...

Положение наук об антропогенезе

Положение в науках, изучающих антропогенез, с которым Б.Ф. Поршневу пришлось столкнуться, приступив к самостоятельным исследованиям, позже он охарактеризовал так: *«Все, подлежащее познанию в гигантском комплексе естественнонаучных дисциплин, касаю-*

щихся становления человека, может быть поделено на три большие группы: а) морфология антропогенеза, б) экология, биоценология и этология антропогенеза, в) физиология высшей нервной деятельности и психология антропогенеза. Собственно говоря, научно разрабатывается только первая группа в целом, но костный материал в руках ученых все же редчайший. Из второй группы исследуется лишь малый сектор: каменные (и из другого материала) изделия, остатки огня и жилищ, при полном игнорировании жизни природной среды, особенно животных. Но с третьей группой дело обстоит совсем плохо: тут перед нами почти нет действительной науки» [6].

Свои основные исследовательские усилия Б.Ф. Поршнев как раз и направляет на наименее разработанные аспекты «гигантского комплекса естественнонаучных дисциплин, касающихся становления человека».

В книге «О начале человеческой истории» в начале четвертой главы («Тормозная доминанта») Б.Ф. Поршнев указывает время начала самостоятельных исследований в области физиологии высшей нервной деятельности: «В данной главе я... резюмировал свой 25-летний опыт изучения этой темы» [7]. Эти слова написаны не ранее 1970 года, и Б.Ф. Поршнев, очевидно, имеет в виду вполне конкретное событие, с которого он ведет отсчет, – именно летом 1945 года у него сложилась идея тормозной доминанты (опирающаяся на работы А.А. Ухтомского) [8]. К концу 1940-х годов относятся самые ранние из сохранившихся рукописей, посвященных исследованию проблем физиологии высшей нервной деятельности. К этому же времени относятся первые собственные физиологические опыты. Несомненно, в эти годы Б.Ф. Поршнев начал систематическое изучение работ И.П. Павлова и А.А. Ухтомского, других физиологов. Во всяком случае, двумя ключевыми для своих исследований идеями – вторая сигнальная система (И.П. Павлов) и принцип доминанты (А.А. Ухтомский) – Б.Ф. Поршнев вооружился именно в это время^{*}.

Однако в качестве вехи в своей творческой биографии, обозначающей переход от «закалки» к непосредственному изучению проблем антропогенеза, Б.Ф. Поршнев указывает не кабинетные исследования

^{*} И.П. Павлов сформулировал идею «вторых сигналов» в 1932 году; А.А. Ухтомский впервые изложил «принцип доминанты» в 1923-м.

Обращение
к области
физиологии
высшей нервной
деятельности

Прикосновение
к началу истории
в археологических
экспедициях

и даже не лабораторные, а свою работу «в поле» – участие в археологических экспедициях начала 1950-х годов: *«Час синтеза подошел, когда я смог своими пальцами прикоснуться к началу истории. Участвовал в археологических экспедициях: по верхнему палеолиту – на Дону, по среднему – на Волге, по нижнему – в Юго-Осетии... И тут я был озадачен: мои глаза замечали не то, что глаза превосходных археологов, у которых я учился. Virtuозы и эрудиты в своем специальном деле, они были до стерильности не склонны к биологическому мышлению. Так, за усеивающими палеолитические стоянки костями животных я старался мысленно разглядеть жизнь этих животных, они – нет. Общее слово “охота”... для них заменяет познание биоценоза самых различных зверей и птиц, включавшего как свою составную часть и доисторического человека... И принялся я со всем возможным упорством за овладение современными знаниями по экологии и биологии млекопитающих и птиц. А одновременно подвигались и мои экспериментальные, на собаках и обезьянах, и теоретические исследования по физиологии высшей нервной деятельности животных» [9].*

Б.Ф. Поршнев здесь сообщает важную деталь: в начале 1950-х годов теоретические и экспериментальные исследования по физиологии уже всю продолжались, а по экологии и биологии млекопитающих и птиц – только начались. Вторая важная деталь – упоминание экспериментальных исследований. Как уже не раз подчеркивалось, Б.Ф. Поршнев не считал сам по себе сбор эмпирического материала научной деятельностью, наукой. Такая деятельность признавалась им научной только тогда, когда на ее основе создавалась, корректировалась, развивалась теория. Но тем большую ценность приобретали собственные специальные эксперименты, проводимые Б.Ф. Поршневым в дополнение к работе по переосмыслению им гигантских массивов данных, полученных другими исследователями. В 1969 году Б.Ф. Поршнев обозначает три главные направления собственных экспериментальных (эмпирических) исследований, привязанных к своим теоретическим «построениям»: *«Все эти построения зиждятся не только на переоценке наличного фонда литературных данных, но и на контрольных зондах в некоторые области эмпирических исследований. Таким зондом, например, явилось обнаружение и экспериментальное исследование автором явления физиологии высшей нервной деятельности, названного им тор-*

Соотношение эмпирических и теоретических изысканий

мозной доминантой*. Другой пример – экспериментальное опровержение им укоренившегося в научной литературе мнения о невозможности высекания огня двумя кремнями. Третий зонд такого рода, глубокий шурф в толщу фактов, не находящих места в любой иной схеме антропогенеза, – изучение реликтовых палеоантропов» [10].

Первые
междисциплинарные
обсуждения
проблемы
антропогенеза

В июне 1956 года историк Б.Ф. Поршнев выступал в Институте антропологии МГУ с докладом «Некоторые проблемы предистории второй сигнальной системы». Он продолжает успешно использовать отмеченную выше «технология творчества»: привлечение специалистов-смежников к междисциплинарному обсуждению своих идей, гипотез, исследований. Судя по стенограмме, Б.Ф. Поршнев выступал перед специалистами, занимающимися различными аспектами антропогенеза, не в первый раз*: «Борис Федорович во всех своих докладах высказывает целый ряд весьма смелых гипотез» (Н.Н. Ладыгина-Котс) [12]; «Мне приходилось несколько раз высказываться по поводу очень интересных и частных, и общих исследований Бориса Федоровича» (Я.Я. Рогинский) [13]. Но этот доклад, вне всякого сомнения, был первым выступлением Б.Ф. Поршнева с изложением своей концепции антропогенеза в целом, которую после обсуждения он счел необходимым опубликовать и подготовил к печати (публикации по ее отдельным аспектам были уже годом ранее).

Развитие
от животного
к человеку в модели
«особь – особь»

В этом докладе намечены едва ли не все важнейшие черты поршневской концепции антропогенеза с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности и психологии, все «проблемные узлы», связывающие эту концепцию в единое целое. Здесь уже обнаруживается принципиальная особенность поршневского подхода к загадке начала истории: тогда как большинство исследователей анализируют переход от животного к человеку в модели «особь – среда», Б.Ф. Поршнев в центр такого анализа ставит модель «особь – особь»: «Порочность всех... попыток вывести специфически человеческую психику из анализа каменных орудий и процесса их изготовления состоит в том, что чело-

* Речь идет об экспериментальных исследованиях Поршневым так называемых неадекватных рефлексов.

** Так, в статье 1955 года о происхождении огня Б.Ф. Поршнев пишет: «Для того чтобы проверить сложившуюся у меня и доложенную в 1946 г. гипотезу, я обратился к эксперименту». См.: [11].

век берется лишь в его отношении к вещи... Прогресс технического отношения индивида к предмету, например к кремню, сам по себе решительно ничего не может объяснить в возникновении специфически человеческого мышления, ибо генезис этого нового качества лежит в отношении людей к людям, а не к вещам» [14].

Б.Ф. Поршнев выявляет и исследует особый механизм воздействия особей друг на друга, предпосылки которого заложены в физиологии животных, реконструирует условия, вызвавшие формирование этого механизма у ближайших предков человека, а также его развитие вплоть до порождения им человеческой речевой коммуникации, человеческой психики, человеческой социальности (общественных институтов), человеческой способности к творчеству, человеческого логического мышления. В 1964 году Б.Ф. Поршнев напишет: *«Возможность скачка от “логики животных” к логике человека лежит в сфере отношений между людьми. Высшая нервная деятельность животного протекает в отдельном организме, высшая нервная деятельность людей – в цепочке организмов, связанных особой системой сигналов. И.П. Павлов назвал ее второй сигнальной системой» [15].*

Еще через четыре года Б.Ф. Поршнев подчеркнет, что модель «особь – среда» основана как раз на игнорировании фундаментального значения человеческой речевой коммуникации: *«...В поле зрения находятся индивидуальные особи, т.е. наперед предполагается, что существенная для антропогенеза отличительная особенность человека, например способность к разумному труду, есть свойство каждой в отдельности особи человеческого рода. Наблюдали, например, параллельное развитие одного детеныша шимпанзе и одного человеческого ребенка. Но на деле детеныш шимпанзе был один перед лицом среды, т.е. был связан со своим биологическим видом только аппаратом наследственности, тогда как человеческий ребенок через общение с людьми и через их слова был с самого раннего возраста частицей человечества» [16].*

Эти чрезвычайно важные для Б.Ф. Поршнева рассуждения он почти буквально повторит и в 1969 году [17]. Наконец, в 1972 году, в проспекте задуманной Б.Ф. Поршневым книги «Люди», он еще резче и образнее определил связь каждого отдельного человека со всем человечеством: *«Как мозг сформирован из миллиардов клеток, так сознание – из миллиардов мозгов... Как нейроны мозга связаны синапсами, так мозги –*

О связи каждого человека с человечеством

речевой коммуникацией (второй сигнальной системой)» [18].

Здесь необходимо сделать отступление, раскрывающее важную особенность творчества Б.Ф. Поршнева – тесную взаимосвязь его исторических и антропологических исследований.

XVII век, финал развития «срединной формации», был интересен для Б.Ф. Поршнева не только первой общеевропейской войной, обнажившей сложную систему синхронического взаимодействия стран и народов, но и гениальными прозрениями великих умов этой эпохи. И на первое место здесь должен быть поставлен Р. Декарт, величайший ученый, оказавшийся вовлеченным и в водоворот политических событий своего времени. Анализ роли Фронды в жизни Р. Декарта и анализ роли Р. Декарта в постановке проблемы выделения человека из животного мира – обе эти темы занимают Б.Ф. Поршнева почти одновременно, обе темы он стремится глубоко переосмыслить.

В книге «Франция, Английская революция...» Б.Ф. Поршнева рассматривает политические обстоятельства неожиданного бегства Р. Декарта из Парижа в августе 1648 года через три месяца после его возвращения из Голландии по приглашению двора: *«Декарт приехал в Париж служить двору и духовно обогатить его. Но было поздно, не до реформ, когда Мазарини уже балансировал на острие ножа... Если Декарту предназначалось быть олицетворением реформ и прогресса для предотвращения взрыва, то ведь эта роль обоюдоострая: он мог оказаться и центром притяжения для всех сил, жаждущих реформ и прогресса, в том числе и более радикальных, чем он сам. Так, по-видимому, и случилось, едва лишь Декарт водворился в Париже»* [19].

Водоворот Фронды, в который оказался вовлечен Р. Декарт, Б.Ф. Поршнева, в свою очередь, включает в контекст всей системы межгосударственных отношений эпохи 30-летней войны: и в Голландии, куда Р. Декарт вернулся, он не был в безопасности – пока длилась Фронда. Переезд еще через два года *«в Швецию ко двору королевы Христины был в сущности единственным оставшимся выходом, но и это не было спасением: я глубоко убежден, что Декарт в Стокгольме был отравлен, возможно, придворными, опасавшимися перехода Христины в католицизм, что, как известно, все равно вскоре случилось, может быть, и не помимо картезианских семян в ее мышлении»* [20].

Взаимосвязь исторических и антропологических исследований

Значение идей Р. Декарта для решения задачи происхождения человека

О фундаментальном значении гениальных прозрений Р. Декарта для решения задачи происхождения человека Б.Ф. Поршнев подробно говорит в докладе о предыстории второй сигнальной системы: «Декарт провел пропасть между животными и человеком; чтобы показать особую божественную природу человеческого разума, он выдвинул тезис о машинообразном, рефлекторном характере всей жизнедеятельности животных. Хотя цель была теологическая, результатом явилось великое материалистическое открытие: ...с Декарта ведет начало понятие рефлекса, ставшее основным понятием физиологии высшей нервной деятельности. Французские материалисты XVIII века атаковали это картезианское противопоставление человека и животных... Картезианцам они противопоставляли, с одной стороны, доказательства в пользу того, что и человек – машина (но, естественно, терпели в этом неудачи), с другой – доводы... в пользу наличия у животных тех же элементарных ощущений и представлений, зачатков того же сознания и разума, что и у человека. Хотя цель была материалистическая, результатом оказались полудиалистические представления о субъективном мире животных по аналогии с субъективным миром человека» [21].

В докладе Б.Ф. Поршнев сформулировал и условия решения «декартовой задачи»: «Бесплодно отрицать принципиальное отличие, даже противоположность между человеческой психикой и высшей нервной деятельностью животных; бесплодно также и искать для этого отличия какую-то особую неорганическую и не рефлекторную субстанцию. Таковы условия задачи, на первый взгляд, несовместимые. *Nic Rhodus, hic salta!*» [22].

«Теорема Декарта» – исходный пункт исследований происхождения человека

В книге «О начале человеческой истории» Б.Ф. Поршнев ставит «теорему Декарта» исходным пунктом исследований происхождения человека: «Ее выражают словами: либо вы на точке зрения непрерывности, либо – прерывности... Третьего не дано. Это старое размежевание, ведущее свое начало со времен Декарта. Он, один из великих зодчих материализма, в то же время был решительно за прерывность, за бездонную пропасть... Именно Декарт заложил основу всего последующего движения наук о природе. И в то же время именно Декарт противопоставил науке о природе нечто несводимое к ней: разумную душу, т.е. мышление и эмоции человека... Декарт оставил векам свою и не доказуемую окончательно, но и не опровержимую теорему. Ныне мы знаем, что задача решается с

помощью идеи о разных формах движения материи. Но знаем ли мы точно стык, эволюционное соприкосновение, превращение между телесно-физиологическим и социальным (в том числе сознанием) в человеке? Материалистическое снятие теоремы Декарта в этом смысле все еще остается на повестке дня» [23].

К слову сказать, приведенные слова – еще один показательный пример отношения Б.Ф. Поршнева к «марксистским формулам». Ему недостаточно общей констатации «высшая форма движения материи не сводима к низшей», хотя он и признает за подобными формулами важное методологическое значение. Но ценность такой методологической формулы, по Б.Ф. Поршневу, как раз в том и состоит, чтобы помочь исследованию реального процесса превращения одной «формы движения материи» в другую, более высокую, во всей естественнонаучной конкретности этого процесса, а вовсе не в том, чтобы подменить серьезное исследование клятвой верности правильной формуле.

Надо думать, именно гениальные прозрения, подобные «теореме Декарта», и позволили Б.Ф. Поршневу, проведя параллель между пятью ступенями формирования мышления в онтогенезе (по Л.С. Выготскому) и пятью ступенями формационного развития человеческого общества в филогенезе (по К. Марксу), приписать феодальной эпохе, «срединной формации», специфическую психологическую черту, подмеченную Л.С. Выготским на средней ступени становления мышления – «синтез заметно обгоняет анализ» [24].

С XVII века развитие естественнонаучного материализма состояло в опровержении «теоремы Декарта», в доказательстве эволюционной сводимости «человеческого» к «животному». На этом пути наука вплоть до Ч. Дарвина встречала ожесточенное сопротивление со стороны религии. Ч. Дарвин заставил последнюю примириться с наукой, принеся в жертву ортодоксальное картезианство: «...когда Дарвина с великой пышностью хоронили в Вестминстерском аббатстве, церковь фактически подписала с ним перемирие, признав, что его теория "не необходимо враждебна основным истинам религии". Просто вопреки Декарту бог вложил чувство и мысль, речь и мораль не в одного лишь человека, а во все живое, дав душе свойство накопления в ходе развития видов» [25].

Но этот компромисс не принес ни опровержения, ни доказательства «теореме Декарта»: «декартовская пропасть по-прежнему зияет» [26]. Компромисс просто отодвинул проблему на задний план и привел к

Параллели между психическим и общественным развитием

Идеи эволюционизма

Вопрос о пропасти между человеком и животными

своеобразному разделению труда, особенно отчетливо в XX веке: наука занимается количественными различиями между «человеческим» и «животным», религия – качественными. Это разделение труда можно выразить и так: наука признает «научно познаваемыми» лишь количественные изменения, оставляя качественные – религии (на худой конец, философии). Именно на это разделение труда и покусился Б.Ф. Поршнев, вознамерившись исследовать естественнонаучными методами качественный скачок между животным и человеком. Именно здесь решающее отличие поршневской концепции происхождения человека от всех иных концепций, претендующих на признание их естественнонаучными. Большинство исследователей обнаруживают у животных все ключевые человеческие качества, но только «в зародыше». Б.Ф. Поршнев, будучи материалистом, атеистом и марксистом, признает справедливой религиозную (картезианскую) постановку вопроса о принципиальном отличии животного «человек» от всех остальных животных.

Идея тормозной доминанты

Именно в контексте «теоремы Декарта» упомянутая выше идея тормозной доминанты имела для Б.Ф. Поршнева фундаментальное значение. И можно с уверенностью сказать, что главным своим научным достижением в исследовании начала человеческой истории Б.Ф. Поршнев считал именно это открытие в области физиологии. Быть может, это было с его стороны наиболее вопиющим покушением на традиции «отраслевого» разделения научного труда. Но такой шаг был абсолютно необходим Б.Ф. Поршневу именно как историку: ведь если история когда-то «началась», значит, у нее были «дочеловеческие», то есть «животные» (биологические, физиологические) предпосылки, и без их научного анализа не может быть понят и сам процесс человеческой истории.

Для понимания хода дальнейших исследований Б.Ф. Поршнева в области начала человеческой истории суть этого открытия должна быть кратко резюмирована уже здесь*. Синтезировав результаты исследований двух крупнейших российских физиологических школ – И.П. Павлова и А.А. Ухтомского, – Б.Ф. Поршнев обосновывает вывод, что управление по-

* Тормозной доминанте посвящена одноименная глава в книге «О начале человеческой истории». Эта теория почти не известна среди физиологов (даже российских), хотя отдельные энтузиасты включают тему в вузовское преподавание. Так, например, доцент кафедры высшей нервной деятельности биологического факультета МГУ В. Ерченков ведет соответствующий спецкурс.

ведением животного осуществляется не одним «центром», а единой системой двух взаимосвязанных «центров» (бидоминантная модель). Один центр работает «по Павлову», по принципу безусловных и условных рефлексов, другой «по Ухтомскому», по принципу доминанты» [27].

Бидоминантная система управления поведением животного работает, по Б.Ф. Поршневу, следующим образом. Все внешние стимулы, попадая в сенсорную сферу животного, дифференцируются на «относящиеся к делу» и «не относящиеся к делу». Первые направляются в «центр Павлова», вторые – в «центр Ухтомского». Этот второй центр, названный Б.Ф. Поршневым «тормозная доминанта», собирает в одном месте все, что может помешать нужному действию, и, в соответствии с принципом доминанты, быстро переполняется и глубоко тормозится. Тем самым именно «центр Ухтомского» обеспечивает возможность «центру Павлова» выстраивать сложные цепи рефлекторных связей (первая сигнальная система) для осуществления биологически необходимого животному «дела». Согласно Б.Ф. Поршневу, скрытые «поведенческие акты», полезные организму животного лишь своей функцией формировать тормозную доминанту, и обнаруживаются физиологом-экспериментатором в ультрапарадоксальной фазе в виде «неадекватных рефлексов» или, в терминах этологии, «смещенных действий» (displacement activity): животное вместо того, чтобы есть, вдруг начинает «чесаться» и т.п.

Именно открытие бидоминантности позволило предложить объяснение прыжка через «декартову пропасть» – к человеческой речевой коммуникации, ко второй сигнальной системе: в бидоминантной системе управления поведением животного таится принципиальная возможность инверсии двух центров («инверсии тормозной доминанты») – активизация одним животным деятельности, заторможенной «центром Ухтомского» у другого животного (путем провоцирования имитативного рефлекса), автоматически тормозит, блокирует деятельность «центра Павлова» (т.е. биологически необходимую деятельность) у этого второго животного. Такой механизм «внешнего» торможения, не опирающийся (в отличие от условных рефлексов) на подкрепление, Б.Ф. Поршневу называет «ин-

* Этой точки зрения придерживаются большинство биологов до сих пор. Впрочем, нельзя не отметить и тенденцию оставить вопрос о единой «системе управления» поведением животного вообще за рамками науки...

Объяснение прыжка к человеческой речевой коммуникации

тердикция». Стремительное освоение интердикции ближайшими предками человека разумного и явилось, согласно Б.Ф. Поршневу, непосредственным кануном прыжка через «декартову пропасть».

В докладе о предыстории второй сигнальной системы Б.Ф. Поршнев, опираясь, прежде всего, на идеи Н.Я. Марра, впервые формулирует уже упоминавшийся методологический принцип «двух инверсий», без которого невозможно решение декартовой загадки: *«В процессе антропогенеза совершился переход от высшей нервной деятельности древних антропоморфных обезьян не к психике современного человека, а к качественно отличной от нее психике первобытного человека. Без введения этого логического звена проблема различия и проблема перехода между животными и человеком навсегда останутся в тумане»* [28].

Ключ к решению загадки происхождения человеческой речи и человеческого мышления Б.Ф. Поршнев находит в творчестве Л.С. Выготского. По Л.С. Выготскому, говорит Поршнев, мышление и речь, в человеческой психике неразрывно связанные, имеют генетически совершенно разные, независимые друг от друга корни: *«Это не значит, что Л.С. Выготский приписывал животным, например шимпанзе, человеческое мышление и человеческую речь. Напротив, поскольку, по его мнению, только у человека эти две функции скрещиваются, человеческое мышление не существует без речи, а человеческая речь – без мышления. Дело идет о зоологических корнях этих двух функций, о том, что в животном царстве генетические элементы этих двух функций, унаследованные и использованные человеческой психикой, формировались совершенно независимо друг от друга»* [29].

«Мышление» в зоологическом смысле, есть предметная деятельность организма, способного адекватно, безошибочно отражать воздействие внешней среды. «Речь» в зоологическом смысле *«не связана с предметным, инструментальным мышлением индивида и лежит в совсем другой плоскости – воздействия одних индивидов на поведение других»* [30]. И то и другое лежит в рамках первой сигнальной системы. Их невиданное в животном мире соединение приведет к созданию второй сигнальной системы. Позже, в выступлении на Всесоюзном совещании по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии (1963), Б.Ф. Поршнев придаст идее Л.С. Выготского общее методологическое значение: *«Задача состоит не столько в том, чтобы открыть у человека совер-*

Происхождение
человеческой речи
и человеческого
мышления

шенно новые нервно-психические механизмы, сколько в том, чтобы открыть у него совершенно новое сочетание и взаимодействие старых, т.е. существующих и у высших животных, нервно-психических механизмов. Таков, например, был ход рассуждения Л.С. Выготского. Речь-мышление человека рассматривается им как небывалое в предшествовавшей эволюции слияние двух нервно-психических функций, каждая из которых без всякой связи с другой была вполне выражена на предшествующих стадиях филогенеза (и в онтогенезе человека), но ни одна при этом еще не была ни речью, ни мышлением. Подобный логический прием представляется нам материалистическим и плодотворным: ничего абсолютно нового не приносит со стороны для анализа антропогенеза и все же в нем вскрывается абсолютно новая комбинация прежних элементов» [31].

Качественное различие между психикой человека и высшей нервной деятельностью животного

Анализируя в докладе о предьстории второй сигнальной системы проблему качественного различия между психикой человека и высшей нервной деятельностью животного, Б.Ф. Поршнев в качестве исходного пункта берет понятие творчества, открыто присоединяясь, тем самым, к религиозной точке зрения: «Согласно вероучению, бог создал человека по образу и подобию своему. Поскольку речь, безусловно, не идет о внешнем образе бога, следует разуместь, что бог вдохнул в человека вместе с бессмертной душой то духовное свойство, которое характеризует его самого: бог – творец, и поэтому отличительным свойством человека среди всей природы стало то, что человек – творец. Это свойство материализовалось во всех плодах рук человеческих» [32].

Надо отметить, что ни в каких других работах Б.Ф. Поршнев не ставил понятие творчества исходным пунктом развертывания своей концепции происхождения человека. Это понятие особенно ценно для него тем, что, выражая фундаментальное отличие человека от животного, это понятие, будучи «расчлененным», позволяет обнаружить и критерии отличия между психикой первобытного человека и психикой человека современного: «Расчленяя понятие творчества, мы видим участие в творчестве, с одной стороны, фантазии, с другой – отражения и учета объективных возможностей... Особенно следует подчеркнуть роль фантазии в творчестве. Без фантазии нет рождения нового, есть только повторение и варьирование уже достигнутого, использование уже учтенных возможностей, в лучшем случае количественный рост старо-

го». Но, продолжает Б.Ф. Поршнев, «творческая фантазия в отличие от безудержной – это фантазия, обузданная фактами и практикой» [33].

«Безудержная фантазия» как раз и является, с точки зрения Б.Ф. Поршнева, фундаментальным признаком психики первобытного человека. Работая над докладом, Б.Ф. Поршнев уже был знаком с двумя группами фактов, указывающих на филогенетический зародыш явления фантазии – двойники, пары. С одной стороны, лингвистические исследования обнаружили одну из самых древних образований человеческой речи – синтагмы: «...Сочетание сигналов, не соответствующее сочетанию объектов в действительности, создает как бы вторую действительность, мнимую, искаженную до любой чудовищности. Элементарной клеточкой всякого такого искажения является именно синтагм – смежность и тесное связывание двух слов, – всегда несущий функцию их известного отождествления» [34].

С другой стороны, археологические исследования также указывали на создание древнейшими людьми двойников – верхнепалеолитические изображения людей и животных. Но уже во время работы над подготовкой доклада к публикации, Б.Ф. Поршнев обращает внимание на только что появившиеся на русском языке сведения об аналогичном явлении в онтогенезе, обнаруженные французским психологом А. Валлоном, которого позже он назовет «может быть, самым крупным психологом мира в XX в.» [35], то есть поставит его еще выше Л.С. Выготского. А. Валлон писал, что «натолкнулся на парные связи – умственные структуры, которые, встречаясь у взрослых лишь по исключению, для ребенка являются обычным типом связей: ребенок устанавливает отношения между двумя предметами, не подводя их, как взрослый, под общее более широкое понятие» [36].

Главная задача доклада – наметить программу исследований в области физиологии высшей нервной деятельности и психологии для решения загадки перехода от первой сигнальной системы ко второй: «...здесь только делается попытка поставить эту проблему, в частности, произвести ее предварительное расчленение» [37]. Поэтому Б.Ф. Поршнев избегает предлагать даже те решения, которые у него уже были фактически

* Эти «валлоновские пары» будут играть в поршневской палеопсихологии фундаментальную роль и получат название «дипластии».

«Безудержная фантазия» – признак психики первобытного человека

Аналогии антропогенеза с онтогенезом

Постановка проблемы перехода от первой сигнальной системы ко второй

намечены, а то и готовы. Так, например, хотя идея тормозной доминанты, опирающаяся на работы А.А. Ухтомского, сложилась, как выше сказано, летом 1945 года и уже изложена в рукописях, относящихся к лету 1948 года, а затем более подробно – к самому началу 1950-х годов, в докладе ни термин «тормозная доминанта», ни имя А.А. Ухтомского не упоминаются. Сама идея тормозной доминанты легко угадывается в изложении Б.Ф. Поршневым физиологической проблемы «двух центров возбуждения» [38], которая поставлена как важнейшая: *«Для выполнения этой большой исследовательской программы необходимо, прежде всего, изучение физиологической природы самих пред-речевых сигналов. Они принадлежат к области неадекватных реакций. Такого рода реакции обнаруживаются, как известно, при фазовых состояниях... Второй центр, лишь попутно возбуждавшийся при том или ином рефлексе и обнаруживавшийся лишь мимоходом в фазовых состояниях и нервных срывах, может занять место первого центра, подавить его, затормозить»* [39].

Развитие речи через реализацию функции торможения действия другого

Напротив, в докладе достаточно подробно изложены те уже известные данные, которые получены за рамками физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Такой прием создает «мультидисциплинарный» контекст намеченной исследовательской программе, придавая ее собственным – физиологическим и психологическим – задачам большую конкретность. Б.Ф. Поршневым обстоятельно анализирует данные, проливающие свет на формирование самых ранних предпосылок второй сигнальной системы – использование запретительных («интердиктивных») сигналов, не нуждающихся в подкреплении, для торможения одной особю биологически полезной деятельности другой особи, привлекая данные этнографии о древних запретах и табу. Имея в виду идею Л.С. Выготского, Б.Ф. Поршневым пишет: *«Именно функцию запрета и выполняла, по-видимому, та пра-речь, которая предшествовала речи-мышлению... И.П. Павлов говорил, что все “мышление” животных выражено в их деятельности, в их двигательных реакциях. Нет деятельности – нет и мышления. Напротив, мышление человека начинается с торможения двигательных реакций. Развитие этой новой функции – торможения действий себе подобных путем такого рода сигналов и реакций – можно предполагать лишь у ближайших предков человека современного типа»* [40].

Связь слова и действия

Специально Б.Ф. Поршневым анализирует связь «слова» (интердиктивного звукового сигнала) с «дей-

ствием» (жестом прикосновения, а затем – указания), позволяющим на анатомических данных строения кисти в филогенезе и онтогенезе человека реконструировать роль жеста на разных ступенях формирования речи: «Указательный жест, во всей дальнейшей истории человеческого сознания связывающий слова с предметами внешнего мира, несет в себе ясные следы своего генезиса: указательное движение – это заторможенное или отмененное хватательное движение. Иными словами, указательное движение – это реципрокный антагонист хватательного движения, выработавшийся в процессе становления человека» [41].

Резюмируя, можно сказать, что в июне 1956 года состоялась презентация «технического задания» на решение загадки начала истории с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Название подготовленного для печати доклада-презентации стало иным: «Проблемы палеопсихологии (философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики)». Обращает на себя внимание переход при подготовке к печати от «физиологической» к «философской» подаче темы, в котором нельзя не услышать отголоски недавних событий, показавших важность в критических ситуациях поддержки со стороны философов...

За рамками доклада остались лишь две важнейшие темы будущей книги «О начале человеческой истории»: появление огня и специфический характер плотоядения у предков *Homo sapiens*. Но и по этим двум темам презентация всех ключевых идей и гипотез состоялась в те же годы: в 1955 году публикуются две статьи – «Новые данные о высекании огня» и «О древнейшем способе получения огня»; в декабре 1956 года Б.Ф. Поршнев делает второй доклад в Институте антропологии МГУ – «Опыт реконструкции образа питания ископаемых гоминид». В последнем он применил недавно приобретенные знания по «экологии и биологии млекопитающих и птиц» к case study – анализу палеолитической стоянки Тешик-таш (Узбекистан).

Что же позволило Б.Ф. Поршневу выйти из «интеллектуального подполья» и решиться представить на суд ученой публики свои «весьма смелые гипотезы», что позволило оставить осторожность, несомненно обостренную недавней кампанией «товарищеской критики» со стороны коллег-историков? Ответ найти несложно: поршнеvский доклад-презентация состоялся через три года после смерти И.В. Сталина и через четыре месяца после XX съезда КПСС. Однако опубликовать подготовленный к печати доклад (так же как и доклад о нелегкой

От «физиологической» к «философской» подаче темы

Появление огня и образ питания гоминид

жизни Тешик-ташского палеоантропа) Б.Ф. Поршневу так и не удалось. Симпатий со стороны коллег, привлеченных к обсуждению, для публикации оказалось недостаточно. Требовалась официальная поддержка статусных специалистов. А с этим было хуже. Тут даже «исторические решения XX съезда» оказались бессильны...

Работы Б.Ф. Поршнева 1950-х годов демонстрируют две важнейшие линии анализа проблем начала истории. Доклад-презентация представляет собой пример позитивной или конструктивной линии. Но не менее важную, а на первых порах и доминирующую роль играла другая линия – критическая, негативная или, как он сам ее называл, «деструктивная». Разумеется, в содержании каждой статьи, доклада, книги присутствовали обе линии, тем не менее все работы по антропогенезу можно условно разделить на две группы по преобладанию либо конструктивной, либо деструктивной составляющей.

Можно с уверенностью утверждать, что план публичного «вторжения» историка Б.Ф. Поршнева в область «науки о начале человеческой истории»^{*} в качестве первого этапа предполагал публикации, относящиеся преимущественно к первой, деструктивной группе: из подготовленных в течение 1954–1957 годов статей и докладов только упомянутый доклад о предыстории второй сигнальной системы можно отнести к второй, конструктивной группе. Все остальные работы этого периода были критическими, деструктивными.

Через 10 лет в рукописи одной из глав будущей книги «О начале человеческой истории» Б.Ф. Поршневу отметит специфическую задачу, стоящую перед некоторыми главами книги: они *«посвящены в основном негативной или, если можно так выразиться, научно-деструктивной задаче – критически рассмотреть и устранить одно за другим возможные возражения против того, чтобы видеть в питекантропоидах»*^{**}

* Трудно сказать, существовал ли такой план, как осознанная, обдуманная задача или только как результирующая практический действий. Во всяком случае, я бы не сильно удивился, появившись достоверная информация о том, что еще в 1920-е годы Б.Ф. Поршневу наметил свой 50-летний юбилей (т.е. весну 1955 года) как хронологический Рубикон, как начало своего открытого вторжения в сферу антропогенеза...

** В данном случае термин «питекантропоиды» охватывает все прямоходящие виды, предшествовавшие *Homo sapiens*. Позже, постепенно уточняя свою терминологию, Б.Ф. Поршневу для совокупности этих видов преимущественно стал использовать линневский термин «троглодитиды» – *Troglodytidae* (или *Pithecanthropidae*). См.: [42].

животных. Таковы вопросы об орудиях и труде, об охоте и огне, об отношении мысли к действиям. Автор принужден выполнить этот труд, чтобы расчитать себе строительную площадку. После... (решения этой задачи. – О.В.) можно будет исследовать переход от животных-питекантропидов к человеку» [43].*

Критический разбор
укоренившихся
мифов об
антропогенезе

Целью первого (деструктивного) этапа поршне-ских публикаций как раз и было «критическое рассмотрение» трех укоренившихся мифов о предке Homo sapiens: он охотился (об этом упомянутый доклад об образе питания гоминид), он изобрел огонь (об этом две упомянутые статьи), его орудия свидетельствуют о труде и мышлении. Подвергать «деструкции» последний миф означало вторгаться не только в область антропогенеза, но и в область интерпретации «классиков», что требовало особенно большого такта и осторожности. Ведь автором канонической наброска «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» был не кто иной, как Ф. Энгельс. С одной стороны, Б.Ф. Поршневу увидел у Ф. Энгельса явную ошибку, а именно, смешение труда, который предшествовал появлению человека, с трудом, который присущ исключительно человеку и возник вместе с появлением человека. Такая ошибка лишала формулу «труд создал человека» всякого смысла. Позднее он напишет: *«Давно уже отмечалось, что если понимать Энгельса формально логически, то и получается формально-логическая ошибка: то, что подлежит объяснению, берется как посылка; труд отличает людей от животных потому, что у одного из видов животных появился труд» [44].*

С другой стороны, в глазах Б.Ф. Поршнева Ф. Энгельс обладал высоким научным авторитетом, и он (Б.Ф. Поршневу), вероятно, склонен был объяснять слишком уж грубую ошибку просто незавершенностью наброска. Ведь не мог же Ф. Энгельс в процессе дальнейшей работы над своей неоконченной рукописью не заметить ошибки, как не мог не учесть и точку зрения своего друга К. Маркса: в «Капитале» отчетливо различаются эти два вида «труда» – человеческий и животный-образный. В этой запутанной ситуации, чтобы публично взяться за ревизию общепринятой среди специалистов интерпретации Ф. Энгельса, нужен был подходящий повод. И повод нашелся.

* В окончательном тексте книги «О начале человеческой истории» решению «научно-деструктивной задачи» посвящено не менее половины ее объема.

Противоборство двух подходов к началу человеческой истории

Историку Б.Ф. Поршневу его предоставила «Всемирная история». В 1952 году в Берне вышел первый том десяти томного издания «*Historia Mundi*». Том был посвящен происхождению человека, и среди его авторов было много представителей духовенства, являющихся «по совместительству» и крупными учеными (например, аббат А. Брейль, известный французский археолог-палеолитчик и специалист по истории первобытного искусства). Б.Ф. Поршневу, привлекавшийся, как было сказано выше, к подготовке советской «Всемирной истории» с 1930-х годов и входивший в редколлекцию ее десяти томного издания, уже готовящегося к печати, не мог не увидеть открывающихся возможностей: привлечь сторонников к своей концепции антропогенеза, сыграв на противопоставлении идеологий двух этих изданий, двух подходов к всемирной истории, к ее началу.

Между идеализмом и материализмом

В 1955 году, за год до выхода первого тома советской «Всемирной истории»*, появляются две статьи Б.Ф. Поршнева – в журнале «Вопросы философии» и в журнале «Коммунист». Первая статья была посвящена советским публикациям по антропогенезу, а заодно и тому, как некоторые из них смотрятся на фоне первого тома «*Historia Mundi*». Вторая – это прямая рецензия на первые два тома Бернского издания, подписанная, кроме Б.Ф. Поршнева, антропологом М.Г. Левиным и востоковедом В.В. Струве. В части антропогенеза рецензия написана, судя по имеющимся архивным материалам [48], почти исключительно Поршневым; в части древней истории – В.В. Струве. М.Г. Ле-

* Разумеется, доктору исторических наук Б.Ф. Поршневу не было позволено писать во «Всемирной истории» по темам, выходящим за рамки его официальной специальности. Проблемам происхождения человека в первом томе посвящена Часть I: «Возникновение человеческого общества. Эпоха господства первобытнообщинного строя». Почти все разделы ее трех глав написаны советским археологом А.П. Окладниковым, учеником Н.Я. Марра и активным оппонентом Б.Ф. Поршнева; один из разделов главы III был написан С.В. Киселевым. Впрочем, известен и случай публикации статьи Поршнева по антропогенезу в советском официальном научно-справочном издании. В 30-м томе второго издания Большой советской энциклопедии помещена статья «Огонь» (без подписи) [45], которая указана в библиографии трудов Б.Ф. Поршнева, составленной, очевидно, с его участием [46]. Однако содержание опубликованной статьи настолько явно противоречит позиции Б.Ф. Поршнева, что лишь сравнение ее с авторской рукописью [47] заставляет поверить: да, искажена до неузнаваемости именно рукопись Б.Ф. Поршнева...

вин, видимо, в качестве официального антрополога редактировал и, отчасти, брал на себя ответственность за написанное историком Б.Ф. Поршневым*. Названия статей в процессе их подготовки менялись, и то, как они менялись, позволяет утверждать, что статьи готовились одним «пакетом»: первая статья сменила первоначальное название «Против идеализма и вульгарного материализма в вопросах становления человека» на журнальное «Материализм и идеализм в вопросах становления человека»; вторая – «Реакционное искажение истории» на «Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества».

В двух этих статьях Б.Ф. Поршневу попытался неразрывно «склеить», «спаять» ложную, но укоренившуюся в науке интерпретацию Ф. Энгельса** с открытым и сознательным идеализмом, представленным авторами «Historia Mundi», ставя читателя перед, казалось бы, безвыходной альтернативой: либо открыто присоединяйся к антропологам-идеалистам, либо отказывайся от ложных, но привычных взглядов. Б.Ф. Поршневу приводит примеры полемики между советскими специалистами, отмечая явную близость позиции одних авторов к идеологии Бернского издания, и выражает солидарность с их оппонентами. Задача, которую решает Б.Ф. Поршневу, понятна: предотвратить образование единого фронта специалистов по антропогенезу против начавшегося «вторжения» в их проблематику историка Б.Ф. Поршнева. Для решения такой задачи необходимо было вскрыть, сделать видимой идейную неоднородность сообщества советских ученых, работающих в этой сфере, показать, что по тем или иным пунктам Б.Ф. Поршневу «естественный союзник» некоторых специалистов (против их оппонентов). Даже если не удастся собрать таким путем много сторонников, как минимум, создается возможность маневра между различными группами противников.

Две эти «деструктивные» статьи вышли в 1955 году. Два года как умер И.В. Сталин. Через год – XX съезд. Ушли в прошлое «академические дискуссии», при которых обвинение в ошибочных взглядах, полу-

* Надо сказать, что это был первый из всего двух имевших место случаев соавторства Б.Ф. Поршнева с антропологами. О втором случае – ниже.

** Речь идет не только о советской науке. Многие современные зарубежные антропологи, вовсе не симпатизирующие марксизму, разделяют «гипотезу Энгельса» – именно в этой ее советской интерпретации.

Вскрытие идейной неоднородности специалистов по антропогенезу

Ригидность научной среды

чившие поддержку «широкой научной общественности», почти автоматически влекло за собой обвинение юридическое, судебное. Но в научной среде за начавшейся критикой своих научных ошибок по привычке все равно ожидали роковых юридических последствий, воспринимая такую критику как смертельную угрозу, с одной стороны, и как политический донос – с другой. При том, что сам стиль научной критики, вызывающий в памяти знакомые образы, менялся очень медленно. Вот яркий пример «старого стиля» у Б.Ф. Поршнева. Б.Ф. Поршнев всегда подчеркивал, что в начале 1950-х годов Н.Я. Марра критиковали, главным образом, не за то, за что надо было бы критиковать. Но в 1955 году в публичной полемике он позволял себе использовать для тех взглядов Н.Я. Марра, с которыми не был согласен, политически нагруженное клише «марризм»: «...над сознанием некоторых антропологов еще тяготеют марристские идеи о том, что до человека с членораздельной речью, то есть до *Homo sapiens*, существовал человек в полном смысле этого слова, но с какой-то иной речью» [49]. Разумеется, весь этот «культурно-ассоциативный» контекст первых поршневских публичных «деструкций» отнюдь не способствовал успеху в деле привлечения сторонников. А ведь эти две статьи оказались своего рода «предисловием» к презентации своей концепции в 1956 году. Нетрудно догадаться, что получал Б.Ф. Поршнев в ответ...

Несмотря ни на что Б.Ф. Поршнев вновь и вновь пытается вызвать содержательную дискуссию. Он пишет статьи «Еще к вопросу о становлении человека» (1957) и «К спорам о проблеме возникновения человеческого общества» (1958). В последней статье он конкретизирует свое видение идейной неоднородности советских специалистов по антропогенезу, выявляя четыре основные концепции, вокруг которых эти специалисты группируются. Условные названия концепций – «археологи», «антропологи», «философы» и «социологи». В этой классификации группы расположены по мере приближения к взглядам, которые отстаивает Б.Ф. Поршнев. Последняя группа, «социологи», включает двоих – Б.Ф. Поршнева и М.П. Жакова. Но не следует думать, что М.П. Жаков – это участник дискуссии, поддержавший Б.Ф. Поршнева: «Статьи М.П. Жакова, опубликованные в 1934 г., были мне неизвестны. Благодаря напоминанию Ю.И. Семенова я убедился, что М.П. Жаков отстаивал двадцать лет назад во многом сходное с моим понимание ряда корен-

Попытки вызвать содержательную дискуссию

ных положений марксистской теории, касающихся происхождения человеческого общества» [50].

На этот период преимущественно «деструктивных» публикаций приходится и удивительный в своем роде случай. Еще в 1956 году Б.Ф. Поршнев делает доклад на социологических чтениях в Институте философии АН СССР: «Проблема возникновения человеческого общества». Хотя этот доклад относится к «деструктивной» группе работ, в нем заметно представлена и конструктивная составляющая.

Деструктивная задача доклада состояла в доказательстве того, что «труд» (в своих внешних проявлениях) не может считаться критерием появления человека; таким критерием, по Б.Ф. Поршневу, следует считать только появление общества, представленного системой производительных сил, производственных отношений (отношений собственности) и надстройки в их взаимодействии. Конструктивная задача доклада – анализ этих ключевых (для марксизма) социологических понятий применительно к ранней первобытности.

Как обычно, Б.Ф. Поршнев готовит доклад к публикации. И тут происходит чудо: в 1958 году текст доклада – единственного из трех докладов, сделанных в 1956 году и подготовленных к печати – публикуется в виде статьи под слегка измененным названием: «Проблемы возникновения человеческого общества и человеческой культуры». Добавление слов «человеческая культура» не в последнюю очередь связано с названием журнала, опубликовавшим статью: «Вестник истории мировой культуры». Интерес представляет рецензия на статью, которая, похоже, и обеспечила ее публикацию. Автор рецензии (на сохранившейся рукописи его имя не указано) последовательно, шаг за шагом, отвергает чуть ли не все основные идеи, заявленные в статье, но в конце делает неожиданный вывод, что, тем не менее, в самой постановке вопросов Б.Ф. Поршневым «есть ряд положительных сторон, которые делают желательным ее опубликование» [51].

Эта статья, написанная на основе доклада, предоставляет редкую возможность проследить развитие взглядов Б.Ф. Поршнева по текстам, разделенным двадцатью пятью годами. В упоминавшихся выше тезисах «Противоречия доклассового общества» (написаны около 1932 г.) Б.Ф. Поршнев пишет: «На исходной ступени своей общественной истории человечество не дифференцировано на отдельные постоянные группы, но представляет собой нерасчлененное диффузное целое, оно социально и экономически едино (гипотеза эта

Труд не есть критерий появления человека

«Проблемы возникновения человеческого общества и человеческой культуры»

уже высказана С.П. Толстовым). Об этом первоначальном единстве говорят и данные материальной культуры, и данные яфетического языкознания*. В процессе истории человеческого общества происходит не механическое столкновение и укрупнение первоначально автономных человеческих групп, но распадение целого и обособление групп на базе роста производительных сил... Между животным стадом и человеческим коллективом не существует прямой генетической связи: между ними вклинивается стадия (возможно, что ей соответствует период ручной речи**), когда биологическая стадность уже распалась вследствие возникновения новых форм жизнедеятельности, но производство еще не настолько всесторонне внедрилось в бытие человека, чтобы сплотить его в постоянные взаимно отчужденные коллективы» [52].

Сравнение тезисов (1932) со статьей (1958) показывает: представление о том, что история «началась» с распада «нерасчлененного диффузного целого» на обособляющиеся группы возникло не позже начала 1930-х годов, и дальнейшие исследования лишь подтверждали его. В статье-докладе Б.Ф. Поршнева пишется: «Очень распространено представление, что история человечества началась с существования множества совершенно изолированных групп, между которыми понемногу возникли связи. Но это представление об абсолютной изолированности приложимо только к стадам животных. То размежевание, о котором идет речь, ничего общего не имеет с пограничными отношениями двух стад. Лучше уж представить это как разделение стада» [53].

И в данном случае Б.Ф. Поршнева ссылается на С.П. Толстого, очевидно, на ту же, что и в «тезисах», работу: «Важные соображения о неустойчивом, диффузном составе человеческих групп, о их постоянном разрушении и восстановлении в новом составе, о фактическом единстве всего человечества в эпоху нижнего палеолита были высказаны С.П. Толстовым (Толстов С.П. Проблемы дородового общества // Советская этнография. М., 1931. № 3–4)» [54].

Но в 1932 году у Б.Ф. Поршнева еще нет понимания – ни физиолого-психологического, ни эколого-зоологического – самой «вклинившейся стадии» между

* «Яфетическое языкознание» – термин, обозначающий теорию Н.Я. Марра.

** Идея «ручной речи» также принадлежала Н.Я. Марру; упоминалась она и в статьях И.В. Сталина 1950 года.

Распадение
«нерасчлененного
диффузного целого»
на обособляющиеся
группы

стадом животных и человеческой группой (кроме марровской гипотезы о «периоде ручной речи»), а спустя 25 лет уже есть такое понимание: оно изложено в двух рассмотренных выше докладах (об образе питания гоминид и о предыстории второй сигнальной системы), правда, так и не опубликованных. В статье-докладе о происхождении общества Б.Ф. Поршневым самым кратким образом касается этого достигнутого понимания, делая при этом характерные оговорки: *«К сожалению, здесь не могут быть изложены результаты некоторых специальных исследований в области экологии ближайших предков человека»* [55]. *«Здесь нет возможности остановиться на психологическом и физиологическом анализе... До опубликования соответствующей своей работы я могу лишь...»* [56].

К концу 1950-х годов заканчивается первый, «деструктивный», этап поршневого «вторжения» в антропогенез. Полемика исчерпала себя. Содержательная дискуссия так и не началась. Союзники, единомышленники среди антропологов так и не появились. Через 10 лет, подводя итоги этого этапа, Б.Ф. Поршневым напишет: *«Она (статья «Материализм и идеализм...». – О.В.) навлекла на меня даже не суд – отлучение. Хоть я не называл идеалистом никого из наших специалистов, чуть не все схватились за шапки. Я очень спокойно парировал анафемы: “Еще к вопросу о становлении человека”, “К спорам о проблеме возникновения человеческого общества”. Анафемствовавшие вдруг потупились, сникли, последнее слово осталось за мной. Но я словно бросил свои доказательства в пустыню»* [57].

О недобросовестности оппонентов Б.Ф. Поршнева свидетельствует множество фактов, но вряд ли сегодня их целесообразно приводить. Напротив, тем ценнее редкие случаи добросовестного отношения к Б.Ф. Поршневу со стороны тех ученых, которые отнюдь не принадлежали к его сторонникам. Одно из таких редчайших исключений – антрополог Я.Я. Рогинский. Б.Ф. Поршневым не раз приводил факты искажений своей точки зрения оппонентами в ходе полемики. Я.Я. Рогинский был единственным, кто публично признал за собой такой случай. Но это, в общем-то, мелочь. А вот что действительно важно: Я.Я. Рогинский был единственным из советских исследователей антропогенеза и современников Б.Ф. Поршнева, кто уже после посмертной публикации книги «О начале человеческой истории» счел своим долгом публично высказаться об этой книге: две трети своего обзора разногла-

Окончание
«деструктивного»
периода
поршневого
«вторжения» в
антропогенез

сий в теории антропогенеза он посвятил Б.Ф. Поршневу и его книге [58].

(Продолжение следует)

1. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 37.
2. Психология и марксизм. Сборник статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии. Л.; М., 1925.
3. Творчество. Пг., 1923.
4. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 37.
5. Там же. С. 17.
6. Там же. С. 20.
7. Там же. С. 201.
8. Там же. С. 209.
9. Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата, 1968. № 7. С. 124–125.
10. Поршнев Б.Ф. Проблема реликтовых палеоантропов // Советская этнография. 1969. № 2. С. 117–118.
11. Поршнев Б.Ф. О древнейшем способе получения огня // Советская этнография. 1955. № 1. С. 13.
12. Стенограмма обсуждения доклада Б.Ф. Поршнева «Некоторые проблемы предыстории второй сигнальной системы». Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. Ч. I, л. 6.
13. Там же. Ч. II, л. 32.
14. Цитировано по подготовленной к публикации рукописи, имеющей название, отличающееся от названия доклада: Поршнев Б.Ф. Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 28.
15. Поршнев Б.Ф. От высших животных к человеку. Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 53–54.
16. Поршнев Б.Ф. Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы психологии. 1968. № 5. С. 17.
17. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969, С. 101–102.
18. ОР РГБ, 684/26/6, л. 1.
19. Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 52.

20. Там же. С. 56.
21. Поршнев Б.Ф. Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 19–20.
22. Там же. С. 22.
23. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 51, 140–141, 142–143.
24. См.: Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 29–32.
25. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 85–86.
26. Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата, 1968. № 7. С. 123.
27. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 261.
28. Поршнев Б.Ф. Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 19.
29. Там же. С. 47–48.
30. Там же. С. 52.
31. Поршнев Б.Ф. [Вопросы высшей нервной деятельности и антропогенез. Выступление] // Философские аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Материалы совещания. М., 1963. С. 588–589.
32. Поршнев Б.Ф. Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 32.
33. Там же. С. 33–34, 36.
34. Там же. С. 43.
35. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1979. С. 197.
36. Валлон А. Письмо редактору журнала «Вопросы психологии» // Вопросы психологии. 1956. № 2. С. 92.
37. Поршнев Б.Ф. Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 67.
38. Там же. С. 57.
39. Там же. С. 55–56.
40. Там же. С. 51, 53.

41. Там же. С. 58.
42. Поршнев Б.Ф. Троглодитиды и гоминиды в систематике и эволюции высших приматов // Доклады АН СССР. М., 1969. Т. 188. № 1. С. 239. См. также: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 103–104.
43. ОР РГБ, 684/23/3, л. 57.
44. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 87.
45. Огонь // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1955. Т. 30. С. 505.
46. История и историки. М., 1966. С. 382.
47. ОР РГБ, 684/23/19, л. 7 – 8.
48. ОР РГБ, 684/16/1.
49. Поршнев Б.Ф. Материализм и идеализм в вопросах становления человека // Вопросы философии. 1955. № 5. С. 153.
50. Поршнев Б.Ф. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 141.
51. Рецензия на работу Б.Ф. Поршнева «Проблема возникновения человеческого общества». Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 14.
52. Поршнев Б.Ф. Противоречия доклассового общества. Рукопись (автограф). ОР РГБ, 684/19/4, л. 101.
53. Поршнев Б.Ф. Проблемы возникновения человеческого общества и человеческой культуры // Вестник истории мировой культуры. 1958. №2 (8). С. 37.
54. Там же. С. 38 (примечание).
55. Там же. С. 38.
56. Там же. С. 42.
57. Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата, 1968. № 7. С. 125.
58. Рогинский Я.Я. О разногласиях в теории антропогенеза // Вопросы антропологии. М., 1980. Вып. 66.